

СТАТЬИ

ЕГИПТОЛОГИИ – ДВЕСТИ ЛЕТ

DOI: 10.31857/S086919080021192-8

О «ТУПИКЕ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДОДИНАСТИЧЕСКОГО ЕГИПТА
И О ВОЗМОЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

© 2022

Д.Б. ПРУСАКОВ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6065-4610; dmprusakov@mail.ru

Резюме: Историко-археологические исследования додинастического периода в Египте, лишенные опоры на письменные источники, могут зайти в тупик, преодолению которого призваны помочь методы и данные естественных наук, включая реконструкцию изменчивых природных условий возникновения древнеегипетского государства. К ним относятся: аридизация климата Северной Африки в 4-м тыс. до н.э., способствовавшая превращению Сахары в пустыню и миграции части ее населения на берега Главного Нила; (далее – по гипотезам автора настоящей статьи) формирование начиная примерно с 6-го тыс. до н.э. наносного слоя плодородных илистых почв в нильской пойме, сделавших ее пригодной для скотоводства и земледелия и ставших основной естественной предпосылкой массового притока людей на египетский Нил и здешней неолитической революции; резкое уменьшение во второй половине (ближе к последней четверти) 4-го тыс. до н.э. годового стока Нила до объема, сравнимого с современным, имевшее два важнейших последствия для экосистемы вмещающего ландшафта и социума: прекращение катастрофического затопления речными водами Среднего Египта, где в 7–4-м тыс. до н.э., возможно, существовало огромное озеро, разделявшее верховье и низовье страны и препятствовавшее их этнокультурному слиянию, которое получило развитие не ранее второй половины 4-го тыс. до н.э. с экспансией культуры Нагада на север; появление в районе Асуана 1-го нильского порога, отмежевывавшего от Верхнего Египта прежде единую с ним Нижнюю Нубию и определившего южную границу раннего государства фараонов. Для подобных «энвайронментальных» исследований ряд ученых предлагает выделить специальную научную дисциплину «геоегиптология»; на взгляд автора статьи, этим задачам отвечает давно работающая школа социоестественной истории.

Ключевые слова: Египет, Нил, додинастический период, палеосреда, климат, гидрология, почвы, археология, египтология, социоестественная история.

Для цитирования: Прусаков Д. Б. О «тупике» в исследованиях додинастического Египта и о возможном направлении выхода из него. *Восток (Oriens)*. 2022. № 4. С. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080021192-8

ON A “DEAD END” IN THE EGYPTIAN PREDYNASTIC STUDIES, AND ON A POSSIBLE DIRECTION OF THE WAY OUT

© 2022

Dmitry B. PROUSSAKOV ^a

^a – Institute for the Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6065-4610; dmprusakov@mail.ru

Abstract: *Studies of the Predynastic Egypt, where written sources are absent, risk entering a dead end. To overcome this, methods and data of natural sciences can be used, including the reconstruction of dynamic natural conditions that shaped the emergence of ancient Egyptian state. These include: the aridization of the North African climate in the 4th millennium BC, resulting in the desertification of the Sahara and the migration of a part of its population to the Main Nile; formation, starting from about the 6th millennium BC, of fertile silty soils in the Nile floodplain which made it suitable for farming and became the main natural prerequisite for the mass influx of people to the Egyptian Nile and for the local Neolithic revolution; a sharp decrease, in the last quarter of the 4th millennium BC, of the annual Nile flow to a level comparable to that of today, with two major consequences for the ecosystem and society: the cessation of catastrophic flooding of Middle Egypt, where in the 7th – 4th millennia BC a huge lake could exist, separating Upper and Lower Egypt and preventing their ethno-cultural fusion, which started not earlier than the second half of the 4th millennium BC; the emergence of the First Nile cataract, which determined the southern border of the early pharaonic state. For studies of this kind, a special scientific discipline “geoegyptology” has been proposed; these tasks, however, are met by the long-standing school of the socio-natural history.*

Keywords: Egypt, the Nile River, Predynastic period, palaeoenvironment, climate, hydrology, soils, archaeology, Egyptology, socio-natural history.

For citation: Proussakov D.B. On a “Dead End” in the Egyptian Predynastic Studies, and on a Possible Direction of the Way Out. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 4. Pp. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080021192-8

Видный итальянский археолог Р. Фаттович¹, рассуждая в одной из своих итоговых статей о специфике исследований додинастического периода в Египте², предупреждал о грозящем им тупике, несмотря на, казалось бы, существенный сегодняшний прогресс знаний в этой научной области. По его мнению, растущий объем соответствующих «фактических» (археологических) данных не поможет решить проблему без «инновационного подхода к воссозданию исторического процесса, приведшего к основанию Тинитского государства в конце 4-го тыс. до н.э.» [Fattovich, 2012, p. 260]. Поиск такого подхода актуализирован прежде всего скудостью и примитивностью египетских письменных источников той эпохи (костяных бирок из гробниц «царского» кладбища U в Умм-эль-Кааб близ Абидоса и др.)³.

¹ Известен раскопками египетских додинастических поселений Нагада в Верхнем Египте, Телль-эль-Фарха в восточной дельте Нила и др.

² Датируется второй половиной 5-го – последней четвертью 4-го тыс. до н.э.; включает генеральные археологические культуры Бадари, Нагада и Буто-Маади (нижнеегипетскую).

³ Первые памятники египетского письма датируются протодинастическим периодом Нагада III (так называемые нулевые династии, последняя треть 4-го тыс. до н.э.).

«Для историка нет более сложной задачи, чем проследить постепенное возникновение цивилизации, поскольку оно всегда относится к временам, когда письменные документы отсутствуют или представляют большую редкость» [Gardiner, 1961, p. 384]. При всех «огромных изменениях в мировой египтологии» в последнее полустолетие [Bednarski et al., 2020, p. 491], как и до них, «в основном были приняты реконструкции происхождения древнеегипетского государства, базировавшиеся на данных позднейших текстов, а некоторые ученые все еще приписывали создание этого государства династической расе. Археологические исследования сводились главным образом к описанию додинастических культур...» [Fattovich, 2012, p. 258–259]. Р. Фаттович считал, что выходу из положения долго препятствовала неразвитость геoarхеологических исследований в Египте с «упущением из внимания» палеоприродного контекста додинастики. По его оценке, интенсификация изучения «периода становления египетской цивилизации» в 70–80-е гг. прошлого века способствовал, наряду с прочими альтернативно-междисциплинарными приемами, именно «палеоэкологический» подход, корифеем которого в египтологии был американский географ и геoarхеолог немецкого происхождения К. Бутцер.

Вместе с тем, рассматривая современные мировые научные проекты и симпозиумы по додинастическому и раннединастическому Египту, Р. Фаттович отмечал, что в четырех томах публикации крупной международной конференции «Египет у своих истоков», проходившей в Кракове (2002 г.), Тулузе (2005 г.), Лондоне (2008 г.) и Нью-Йорке (2011 г.), палеоприродная тематика представлена всего в шести статьях⁴, свидетельствующих о ее «маргинальности» по отношению к традиционным направлениям исследований [Fattovich, 2012, p. 262]. С тех пор состоялись еще два таких форума, в секциях и материалах которых “paleoenvironmental studies” отсутствовали [*Egypt at Its Origins* 5, 2017; *Egypt at Its Origins* 6, 2020]; та же картина вырисовывается в анонсе седьмой конференции, планируемой на сентябрь 2022 г.⁵ Естественнонаучного наполнения лишен и специальный сборник статей, приуроченный к выставке раннеегипетских памятников в музее Восточного института Университета Чикаго в 2011 г. [Teeter, 2011]. Из тридцати тематических номеров издаваемого с 1990 г. в Париже журнала «Археонил», посвященного «преистории и протоистории долины Нила», в названиях лишь двух фигурируют термины естествознания «палеобиология» (№ 2, 1992 г.) и «археоботаника» (№ 6, 1996 г.), которым отвечает несколько публикаций в тех выпусках, при этом в 24-м номере, озаглавленном «Додинастический период и первые египетские династии. Новые перспективы исследований» (2014 г.), нет ни одной «палеоэкологической» статьи⁶, и т.д. Подобное положение дел явно не располагало к созданию авторами обозначенного круга даже единственной коллективной (не говоря уже об индивидуальной) монографии обсуждаемой междисциплинарной направленности; иными словами, социоестественные взгляды К. Бутцера по сей день не нашли сколько-нибудь широкого отклика в египтологии и археологии раннего Египта. Сам Р. Фаттович в поисках выхода из спрогнозированного им «тупика» (в частности, путем аналитической археологии Д. Кларка и др., см.: [Clarke, 1968; Renfrew, Bahn, 2004]) фактически обошел их стороной. В итоге, по его же признанию, «большинство тем» при изучении додинастического Египта (материальная и символическая культура, возникновение государства и института царственности, внутри- и межрегиональные контакты, характер поселений, погребальные обряды и т. д.) сегодня разрабатывается в традициях старейших изысканий конца XIX –

⁴ Их общее количество около 200, см.: [*Egypt at Its Origins*, 2004; *Egypt at Its Origins* 2, 2008; *Egypt at Its Origins* 3, 2011; *Egypt at Its Origins* 4, 2016].

⁵ *Origins 7. The 7th International Conference “Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt”*: <https://www.origins7paris.com/> (accessed: 23.09.2021).

⁶ *Archéo-Nil*: <https://www.archeonil.com/index.php/journal> (accessed: 23.09.2021).

начала XX века [Fattovich, 2012, p. 262]. Здесь принципиально, что под “paleoenvironmental studies”, которые должны были «оживить» ситуацию, Р. Фаттович понимал историко-археологические исследования с *применением естественнонаучных методов*: физико-химических, биологических, антропологических и др.; подход же К. Бутцера опирался на *учет природных явлений и процессов*, определявших ландшафтно-климатические условия становления и развития «ранней гидротехнической цивилизации» на Ниле [Butzer, 1976].

Древние египтяне были «одной из первых наций, противопоставивших бесплодной пустыне живительную силу воды и почвы» [Butzer, 1959(1), p. 44]. По оценкам К. Бутцера, земледелие в египетской долине Нила зародилось около 5000 г. до н.э., проникнув сюда из региона Плодородного полумесяца, где (Палестина, Иранское нагорье и др.) оно распространилось уже в 10–8-го тыс. до н.э. Причины такого «запоздания» неолитизации (перехода человека к производящему хозяйству) на берегах одной из полноводнейших рек мира в ее нижнем течении, ландшафтно наиболее пригодном для сельскохозяйственных экспериментов и практик, «продолжают историками обсуждаться» [Головина, 2011, с. 103], но задача едва ли будет решена без сотрудничества с ними «географа», в чьей компетенции находятся такие вопросы, как естественное физическое состояние нильской долины до начала ее окультуривания людьми и возможное местоположение «первичных земледельческих поселений» Египта [Butzer, 1959(1), p. 45]. К. Бутцер когда-то вычислил, например, что аккумуляция в речной пойме «современного ила» поверх раннеголоценовых песчано-гравийных наносов началась здесь не раньше 5000–4000 г. до н.э. [Butzer, 1959(1), p. 57–60; 1959(2), p. 77], однако в своих поисках общественно-исторических событий и вех, «прямо связанных с естественной средой обитания», он не поставил это в причинно-следственную связь с египетской неолитической революцией. Между тем именно указанные илистые отложения сформировали ту «черную, рыхлую» почву страны фараонов, легкость обработки и плодородие которой так поразили Геродота [Hdt. II. 12. 14]. Опасения специалиста-естественника, что попытки установить прямое, а тем более решающее влияние на «появление египетского государства» каких-то «условий и изменений окружающей среды» покажутся оппонентам-историкам «примитивными», «детерминистскими» и т.п. [Butzer, 1976, p. 2; Johnston, 2020, p. 199–200], в данном случае не должны были сбивать с толку и направлять в тупик: без почв земледелие невозможно, и никоим образом нельзя дискредитировать постулат, что именно их формирование и особые агрохимические свойства (см.: [Молодцов, 1964]) определили как нижнюю хронологию, так и ростки общих социокультурных черт фараоновского Египта. В то же время, если даже К. Бутцер утверждал, что «около семи тысячелетий назад» облик египетской долины Нила мало чем отличался от сегодняшнего (конкретно, «протяженность непересыхающих болот и озер в Долине была небольшой, почти не имеющей значения», и «подавляющую часть ее равнины составляли земли, идеально подходившие человеку, чтобы сеять хлеб и пасти скот») [Butzer, 1959(1), p. 47–48, 55], неудивительно, что и египтология «привычно» представляла повседневную жизнь людей на нильских берегах протекающей в «статичном ландшафте» [Schneider, 2020, p. 4].

Тезису об издревле стабильной естественной среде обитания египтян, помимо почти никем не принимавшегося во внимание феномена среднеголоценового почвообразования в низовьях Главного Нила [Прусаков, 2009], противоречит и давно зафиксированная археологами *переменная* картина размещения в египетской Долине «известных додинастических поселений». Древнейшие из них (Маади, Бадари, Махасна, Абидос, Нагада, Армант, Иераконполь и др.), по-видимому, возникали «исключительно на краю пустыни», тогда как «в позднегерзейский период» (вторая половина 4-го тыс. до н.э.) все больше населенных пунктов спускалось к Реке, а «со времен исторического объединения Верхнего

и Нижнего Египта земледельческие поселения сосредоточились на аллювиальной равнине» [Butzer, 1959(1), p. 49, 56]. В связи с этим многие ученые высказывали даже не предположение, а уверенность в том, что аллювиальная равнина была изначально достаточно плотно заселена, но позднее следы ее первобытных деревень были уничтожены нильскими разливами или погребены под толщей речных наносов (см., например: [Kemp, 1989, p. 43; Midant-Reynes, 2000, p. 160]). В частности, по мнению К. Бутцера, в раннегерзейский период (вторая четверть 4-го тыс. до н.э.) на кромке пустыни жило «не больше половины» населения Долины, и когда там зародились и стали расти такие прото-города, как Иераконполь и Нагада, «на намывных валах и других возвышенностях поймы Нила уже существовали бесчисленные поселки», впоследствии занесенные аллювием, причем «особенно это могло касаться Среднего Египта» [Butzer, 1959(1), p. 52]. Данная априорная идея, возможно, подтвердится, когда «исчезнувшие» в результате деятельности Реки доисторические селища будут раскопаны археологами. Пока же, как «антитупиковая» альтернатива ей, актуальна мысль, что ранние жилища и пашни не могли располагаться на ныне ближних к Нилу пойменных землях, поскольку те в весьма дождливую, обильную поверхностным стоком додинастическую эпоху [Клименко, 2009, с. 17–29] были постоянно затоплены речными водами, гораздо более мощными и высокими, чем в фараоновские и во все дальнейшие времена [Fairbridge, 1976; Прусаков, 2020(2); 2020(3)]. По сути, эта геoarхеологическая реконструкция намечает еще одно «граничное условие» внешней (природной) среды, которое оказало определяющее влияние на социальную эволюцию в до- и протодинастическом Египте, ибо очевидно, что полноценное заселение-освоение «черных земель» страны с итоговым переходом к централизованному государству фараонов стало возможно только после «неолитического спада» Нила (последняя четверть 4-го тыс. до н.э.), когда резкое понижение его уровня (объема стока) «обнажило большие площади речного русла» [de Heinzelin, 1968, p. 48]. В затронутом демографическом ракурсе примечательно, что из вышеприведенного списка первичных земледельческо-скотоводческих поселений Долины лишь одно – Маади – находилось в ее низовой части, прилегающей к Дельте (сегодня южная окраина Каира), при этом расстояние от него до ближайших верхнеегипетских «соседей» – деревень неолитического кластера Бадари неподалеку от Асиута (см.: [Brunton, Caton-Thompson, 1928]) – составляло свыше 300 км, и разделял их тот самый Средний Египет, которому К. Бутцер приписывал плотное доисторическое заселение, но чья археологическая карта раннединастических памятников по-прежнему пустует [Bard, 1987, fig. 1; Kuper, Kröpelin, 2006, fig. 3D; Прусаков, 2018(2), ил. 1].

Значимым естественным фактором начала обживания людьми долины Главного Нила в среднем голоцене был климат Северной Африки, характеризовавшийся в рамках глобальных трендов потеплением и увлажнением полутропическелетней эпохи большого атлантического оптимума с термическим пиком около 5500 некалибр. л.н. (≈ 4344 г. до н.э.) и последующим сильным похолоданием-иссушением, которое наступило в первой половине 4-го тыс. до н.э. и «достигло своего максимума около 3200 г. до н.э.» [Клименко, 1997; 2009, с. 25]. Ряд специалистов считает климат «настоящим двигателем», который в 6000–3000 гг. до н.э. управлял «общим развитием контактов между пустыней и долиной Нила» [Riener, Kindermann, 2008, p. 627]. Однако тезис о резком сокращении населения египетской Восточной Сахары и его параллельном «миграционном сдвиге» к Нилу после 5300 г. до н.э. в связи с аридизацией и ухудшением условий жизни в здешнем регионе [Kuper, Kröpelin, 2006] наталкивается на контрдовод, что до завершения атлантического оптимума сколько-нибудь значительного опустынивания Африки не наблюдалось [Клименко, 2009, с. 17]. Иными словами, в данном случае климат сам по себе не предоставляет исследователю надежного «граничного условия» социоестественной истории, позволяющего,

например, уточнить хронологию поворота к регулярному дофараоновскому заселению Долины; на мой взгляд, таковым, как и необходимым условием неолитизации Египта, явилось все то же образование плодородного почвенного покрова, сделавшего нильскую заливную пойму привлекательной для «человека хозяйствующего» задолго до превращения Сахары в пустыню.

Более продуктивная попытка нащупать прямую связь климата с социальными процессами на додинастическом Ниле принадлежит К. Бутцеру, который, опираясь на первобытные петроглифы (наскальные рисунки) фауны Восточной и Западной пустынь Египта и учитывая минимальное годовое количество осадков, потребное для реального существования изображенных здесь крупных травоядных животных (слона – не менее 100 мм, жирафа – 50 мм и т.п.), очерчивал сроки финальной естественной деградации речного (притоки в вادي) и саванного ландшафта нильских окрестностей с их сопутствующей депопуляцией. По его оценкам, катастрофическая засуха (она же необратимая аридизация, приведшая некогда цветущую, богатую реками и озерами Сахару в ее нынешний вид) дала о себе знать лишь к середине 4-го тыс. до н.э. [Butzer, 1958, S. 34–35; 1959(3), S. 80–82]. Примерно тогда же произошла «революционная» смена археологических культур в Долине с неолитической амратской (Нагада I, ок. 3800–3600 гг. до н.э.), сосредоточенной в Верхнем Египте, на энеолитическую герзейскую (Нагада II, ок. 3600–3200 гг. до н.э.), сравнительно быстро продвинувшуюся оттуда вниз до Дельты, вытеснившую местную нижеегипетскую культуру (прежнее название – Буто-Маади, ок. 3900–3300 гг. до н.э.) и создавшую предпосылки государственного объединения страны [Прусаков, 1999, с. 56–61]. И хотя ясно, что «климатические и экологические условия не определяли все стороны культурного развития» [Riemer, Kindermann, 2008, p. 627], «критические точки» исторической траектории, где культурно-, социо- или политогенез обнаруживают пусть частичную, но объективно неоспоримую «детерминированность» состояниями и изменениями природной среды (естественнонаучно – окончательно или гипотетически – сформулированными, обоснованными и датированными), могут обозначить направление из тупика, о котором размышлял Р. Фаттович.

Если хронология и динамика расселения людей в Восточной Сахаре и их миграций на берега Главного Нила в додинастический период археологами уже не реконструируются без учета данных палеоклиматологии, включая материалы таких масштабных междисциплинарных проектов, как BOS (1980–1992/1993 гг.)⁷ и ACACIA (1995–2007 гг.)⁸, то проблематика древнейшего территориального объединения и образования централизованного государства Египта от 1-го порога до приморья Дельты, где решающее слово остается за египтологами, разрабатывается практически вне палеоэкологического контекста. «Экспансия культуры Нагада» из Верхнего Египта в Нижний обсуждается «либо в основном с экономической точки зрения, рассматривающей в качестве движущей силы торговлю и контроль над импортом, либо преимущественно с военной точки зрения» [Hendrickx, 2014, p. 261]. Египтология *per se* довольствуется положениями, что «предварительное объединение верхнеегипетских политий» могло осуществиться «либо как следствие ряда союзов, либо посредством войн (или благодаря комбинации тех и других)»; «окончательное слияние Верхнего и Нижнего Египта, возможно, было достигнуто с помощью одного или нескольких завоеваний на севере» [Bard, 2000, p. 63, 65] и т.п.

В этих вопросах отдельные ученые, как к своего рода естественнонаучному ресурсу, прибегали к теории «географической (средовой) ограниченности» классика американской

⁷“Besiedlungsgeschichte der Ost-Sahara”; см., например: [Kuper, 1981; 1988].

⁸“Arid Climate, Adaptation and Cultural Innovation in Africa”; публикации см. на сайте: <http://www.uni-koeln.de/inter-fak/sfb389/> (accessed: 27.10.2021).

антропологии Р. Карнейро, которая в общих чертах связывала генезис ранних государств, «где бы они ни возникали», с перенаселенностью природно лимитированных кормящих агроландшафтов, чреватой вооруженными конфликтами между «автономными» людскими коллективами с их укрупнением и усложнением до вожеств и царств [Carneiro, 1970; 1988]. Египтологическая традиция на это возражает, что «демографическое давление» додинастическому Египту не грозило, поскольку его населению, чья численность оценивается менее чем в миллион человек, плодородной земли должно было хватать с избытком [Hendrickx, 2014, p. 263]. Сам Р. Карнейро, ознакомившись с результатами археологических раскопок в долине Нила, признал отсутствие «значительных» додинастических памятников «между Абидосом и Фаюмом»⁹; пытаясь в контексте своей теории разрешить и поныне актуальную загадку, «почему крупные центры не получили развития в Среднем Египте», он эвристически акцентировал не земледельческий потенциал данного региона, а его бедность минеральным сырьем для ремесленных производств, якобы и ставшей главным препятствием для зарождения здесь протогородов [Bard, Carneiro, 1989, p. 19–20]. Однако крайне вероятно, что именно эта протяженная территория египетского «двуречья» с 220-километровым рукавом Бахр-Юсуф и широчайшими в стране участками («большими бассейнами») орошаемой разливами нильской поймы, независимо от прочих природных свойств, должна была массово привлекать уже неолитических земледельцев и скотоводов; отсюда и повторяемая на разные лады идея, что «коль скоро крупные додинастические памятники обнаружены в Верхнем Египте, не приходится ожидать, чтобы распространение додинастических поселений [на север. – Д.П.] вдруг остановилось у Эль-Бадари» [Bard, 1987, p. 87]. Так или иначе, при явной «географической неограниченности» Долины для размещения, промыслов и хозяйственной деятельности первобытного человека «узловые очаги додинастической культуры были сосредоточены в Верхнем Египте», чему даже по мнению естественнонаучно ориентированных исследователей «должны были быть в первую очередь социальные и экономические причины» [Bard, Carneiro, 1989, p. 20].

К верхнеегипетским «протогосударствам» – уходящим корнями в амратский неолит территориальным образованиям «вокруг больших поселений (зародышевых городов)» – видный британский египтолог Б. Кемп относил Иераконполь, Нагаду и Тин (Абидос), которые, по его версии, в период Нагада II объединились в «протоцарство» Верховья со столицей в «наиболее продвинутом» Иераконполе, «поглотившее» затем путем «военной экспансии» всю страну [Kemp, 1989, p. 34 ff.; fig. 8, 13]. Другой известный британский египтолог Т. Уилкинсон добавлял к этим «центрам ранней царственности» Кустул в Нижней Нубии за 1-м порогом Нила [Wilkinson, 2001, p. 36–41], но никто из специалистов пока не подтвердил, что реконструируемая ими амратско-герзейская протогосударственная структура на юге Египта, сколько бы «городских» очагов она ни имела, дала аналогичные победы в Средний Египет. На мой взгляд, «тупиковая» проблема устойчиво-замкнутого, отчужденного от севера страны до середины 4-го тыс. до н.э. верхнеегипетского ареала культуры Нагада (настолько, что в Нижнем Египте «развивалась особая форма неолитического уклада жизни» [Wengrow, 2006, p. 45]) восходит к оседанию в Долине еще бадарийской культуры (4400–4000 гг. до н.э.). Придя на Нил из неуставленного пока региона, она сконцентрировалась своими основными местоположениями (Матмар, Мостагедда, Бадари, Хаммамийа, Кау-эль-Кебир) на подступах к Асиуту и, словно наткнувшись на непреодолимое препятствие вниз по течению, распространялась отсюда исключительно на юг (ее следы обнаружены в Махгар-Дендере, Вади-Хаммамат, Арманте, Иераконполе и др. [Midant-Reynes, 2000, p. 152–153]). По моей гипотезе, «граничным условием» складывания

⁹ Если не считать могильники и остатки жилой зоны раннединастической культуры Бадари к юго-востоку от Асиута (см. далее).

рассматриваемого геокультурного ландшафта ранней додинастики, когда верхнеегипетская Долина и Дельта были оторваны друг от друга так, что самая технологичная археология едва улавливает признаки их взаимодействия [Friedman, 1999, p. 7], было критическое затопление Среднего Египта отличавшимся мощным стоком среднеголоценовым Нилом вплоть до образования здесь в 7–6-го тыс. до н.э. огромного временного водоема, размерами сравнимого с великим африканским озером Альберт (гидрологическое явление, отнюдь не уникальное для плейстоцен-голоценового нильского бассейна) [Прусаков, 2018(1); 2018(2)]. При наличии столь серьезной водной преграды между противоположными частями страны военно-техническим средством их объединения южным «вождям» или «протоцарям» могло видаться судно мореходных качеств, причем усыхание и исчезновение озера на фоне общего снижения стока Главного Нила во второй половине 4-го тыс. до н.э. мне представляется (в комплексе с социальными процессами) «граничным» природным условием прорыва культуры Нагада на север и фактором предполагаемой «эволюции» древнейшей египетской ладьи от гигантского неолитического папирусного «плота» высочайшей плавучести к дощатой герзейской «галере», менее остойчивой, но также способной брать на борт десятки людей [Прусаков, 2015].

По той же гипотезе, «неолитический» (точнее, произошедший на этапе египетского энеолита Нагады II/III) спад Нила до его исторического уровня форсировал переход населения Долины от анклавного, «корабельными ватагами» под индивидуальными «штандартами», к сплошному территориальному освоению страны с ее окончательной сборкой под эгидой централизованной династической власти (см.: [Прусаков, 2001]); спад также содействовал синхронному размежеванию прежде «культурно и расово» единых [Reisner, 1910, p. 319] Верхнего Египта и Нижней Нубии, став причиной появления на Реке 1-го (Сиенского) порога (ориентировочно в протодинастический период «нулевых» династий; еще одно естественное «граничное условие» раннефарановского культуро- и политогенеза) [Прусаков, 2019; 2020(1); 2020(2)].

Таковы вкратце некоторые рабочие соображения по преодолению «тупика», беспокоившего Р. Фаттовича. В отличие от египтологии додинастики, исследования Египта фараонов, «сфокусированные» на отношениях природы и государства в ходе его «политической, социальной и экономической истории», последние полвека демонстрируют «экспоненциальный рост» [Johnston, 2020, p. 206; fig. 7], что натолкнуло ряд западных специалистов на мысль об актуализации «нового» комплексного научного направления под названием «геоегиптология». Как итог тематической конференции 2017 г. канадских университетов Квест и Британской Колумбии родился даже коллективный «Манифест за изучение природной среды древнего Египта», оправдываемый недостаточностью знаний о ней археологов и египтологов [Bunbury et al., 2020]. Российские ученые систематически осваивают естественнонаучные подходы к египтологическим задачам, применяя антропологические, археоботанические, геофизические и другие методы в исследованиях археологической миссии Института востоковедения РАН в Египте и Судане [Лебедев, Малых, 2022; Лебедев и др., 2022]. Авторы указанных монографий уже давно, а не в некой неопределенной перспективе, видят в египтологии мультидисциплинарную науку, покинувшую свою «башню из слоновой кости» с приобщением к “sciences” – ибо неоднократно отмечалась «изолированность» классической египтологии от иных, причем не только «точных», но и гуманитарных научных областей, методик и дискуссий [Johnston, 2020]. Эта «отстраненная» позиция ощущается и в термине «геоегиптология», словно подразумевающим неприложимость скрытых за ним академических принципов, скажем, к междуречью Евфрата и Тигра, изучением которого в естественноисторическом ракурсе в таком случае, очевидно, должны заниматься особые отрасли «геошумерология», «геоассириология» и т.п. Для изы-

сканий подобного рода есть общая методология социоестественной истории, разработанная российским востоковедом философом Э.С. Кульпиным-Губайдуллиным [Кульпин, 1994]. «Необходимо использовать методы естественных наук, анализируя круг немногочисленных достоверных фактов: рельеф, почвенно-климатические условия, предельный размер пригодных к обработке земель, технику и технологию основных производственных процессов... На втором этапе необходимо привлечение наиболее известных, “устоявшихся” фактов и закономерностей социально-экономической истории... причем оперирование случайными данными, в немалом количестве содержащимися в исторических документах, по меньшей мере рискованно»; необходимо «обратиться к тем свидетельствам, которые объективны и самое главное – не могут быть иными», что позволит «сказать нечто вразумительное, не имея исчерпывающих данных» [Кульпин, 1990, с. 7–8; Кульпин-Губайдуллин, 2014, с. 16, 26, 32, 112].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Головина В.А. Древний Египет (IV–II тысячелетия до н.э.). *Всемирная история. Т. 1. Древний мир*. Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Наука, 2011. С. 99–132 [Golovina V.A. Ancient Egypt (4th –2nd Millennia BC). *The World History. Vol. 1. Ancient World*. A.O. Chubarian (ed.). Moscow: Nauka, 2011. Pp. 99–132 (in Russian)].

Клименко В.В. О главных климатических ритмах голоцена. *Доклады Академии наук*. 1997. Т. 357. С. 399–402 [Klimenko V.V. Principal Climatic Rhythms of the Holocene. *Transactions of the Russian Academy of Sciences*. 1997. Vol. 357. Pp. 399–402 (in Russian)].

Клименко В.В. *Климат: непрочитанная глава истории*. М.: Издательский дом МЭИ, 2009 [Klimenko V.V. *Climate: An Unread Chapter of the History*. Moscow: Izdatel'skiy dom MEI, 2009 (in Russian)].

Кульпин Э.С. *Человек и природа в Китае*. М.: Наука, 1990 [Koulpin E.S. *Man and Nature in China*. Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].

Кульпин Э.С. Об основах социоестественной истории. *Восток (Oriens)*. 1994. № 1. С. 29–38 [Koulpin E.S. On the Foundations of the Socio-Natural History. *Vostok (Oriens)*. 1994. No. 1. Pp. 29–38 (in Russian)].

Кульпин-Губайдуллин Э.С. *Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике*. Волгоград: Учитель, 2014 [Koulpin-Goubaidullin E.S. *The Socio-Natural History: From Method to Theory, from Theory to Practice*. Volgograd: Uchitel, 2014 (in Russian)].

Лебедев М.А., Малых С.Е. *Страна пирамид. Новейшие открытия археологов в Египте*. СПб.: Питер, 2022 [Lebedev M.A., Malykh S.E. *The Land of the Pyramids. Latest Discoveries of Archaeologists in Egypt*. St. Petersburg: Piter, 2022 (in Russian)].

Лебедев М.А., Малых С.Е., Ветохов С.В. *Забывтые гробницы. Тайна древнеегипетского некрополя*. СПб.: Питер, 2022 [Lebedev M.A., Malykh S.E., Vetokhov S.V. *Forgotten Tombs. Mystery of the Ancient Egyptian Necropolis*. St. Petersburg: Piter, 2022 (in Russian)].

Молодцов В.А. Состав и агрохимические свойства наносов Нила. *Почвоведение*. 1964. № 12. С. 54–61 [Molodtsov V.A. Composition and Agrochemical Properties of the Nile Sediments. *Soviet Soil Science*. 1964. No. 12. Pp. 54–61 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. *Природа и человек в древнем Египте*. М.: Московский лицей, 1999 [Proussakov D.B. *Nature and Man in Ancient Egypt*. Moscow: Moskovskiy Litsey, 1999 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. *Раннее государство в древнем Египте*. М.: ИВ РАН, 2001 [Proussakov D.B. *The Early State in Ancient Egypt*. Moscow: IOS RAS, 2001 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. *Древний Египет: почва цивилизации (этюда о неолитической революции)*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 [Proussakov D.B. *Ancient Egypt: Soil of the Civilization (an Essay on the Neolithic Revolution)*. Moscow: Knizhnyj dom “LIBROKOM”, 2009 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. *Додинастический Египет: лодка у истоков цивилизации*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015 [Proussakov D.B. *Predynastic Egypt: A Boat at the Source of the Civilization*. Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniju i nauke, 2015 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. Озера на доисторическом Ниле: «гидрологические» перспективы египетской археологии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(1). № 1. С. 70–80 [Proussakov D.B. Lakes on the Prehistoric River Nile: “Hydrological” Outlook for Egyptian Archaeology. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2018(1). No. 1. Pp. 70–80 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. «Голоценовое море» в Среднем Египте: к независимым обоснованиям гипотезы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(2). № 6. С. 72–85 [Proussakov D.B. A “Holocene Sea” in Middle Egypt: Independent Validations of the Hypothesis. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2018(2). No. 6. Pp. 72–85 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. Гипотеза о «Земле изливания Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 3. С. 12–31 [Proussakov D.B. The Hypothesis of the “Land of Outpouring of the River”: On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part I. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019. No. 3. Pp. 12–31 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. Гипотеза о «Земле изливания Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020(1). № 1. С. 12–32 [Proussakov D.B. The Hypothesis of the “Land of Outpouring of the River”: On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part II. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2020(1). No. 1. Pp. 12–32 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. Гипотеза о «Земле изливания Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть III. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020(2). № 2. С. 109–128 [Proussakov D.B. The Hypothesis of the “Land of Outpouring of the River”: On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part III. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2020(2). No. 2. Pp. 109–128 (in Russian)].

Прусаков Д.Б. Загадки додинастической петроглифики с поправкой на климат и гидрологию: лодки (и реки?) в верхнеегипетских восточных вади. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020(3). № 4. С. 20–42 [Proussakov D.B. Riddles of the Predynastic Petroglyphs Adjusted for Climate and Hydrology: Boats (and Rivers?) in the Upper Egyptian Eastern Wadis. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2020(3). No. 4. Pp. 20–42 (in Russian)].

Bard K.A. The Geography of Excavated Predynastic Sites and the Rise of Complex Society. *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1987. Vol. 24. Pp. 81–93.

Bard K.A. The Emergence of the Egyptian State (c. 3200–2686 BC). *The Oxford History of Ancient Egypt*. I. Shaw (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2000. Pp. 61–88.

Bard K.A., Carneiro R.L. Patterns of Predynastic Settlement Location, Social Evolution, and the Circumscription Theory. *Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et d'egyptologie de Lille*. 1989. T. 11. Pp. 15–23.

Bednarski A., Dodson A., Ikram S. Past and Future. *A History of World Egyptology*. A. Bednarski., A. Dodson, S. Ikram (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2020. Pp. 491–493.

Brunton G., Caton-Thompson G. *The Badarian Civilisation and Predynastic Remains Near Badari*. London: British School of Archaeology in Egypt, 1928.

Bunbury J., Creasman P.P., Graham A., Johnston C., Moeller N., Rowland J., Schneider T., Warden L.A., Wendrich W. A Manifesto for the Study of the Ancient Egyptian Environment. *The Gift of the Nile? Ancient Egypt and the Environment*. T. Schneider, C.L. Johnston (eds.). Tucson, AZ: The Egyptian Expedition, 2020. Pp. 215–216.

Butzer K.W. *Studien zum vor- und frühgeschichtlichen Landschaftswandel der Sahara. I. Die Ursachen des Landschaftswandels der Sahara und Levante seit dem klassischen Altertum. II. Das ökologische Problem der neolithischen Felsbilder der östlichen Sahara*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1958.

Butzer K.W. Environment and Human Ecology in Egypt During Predynastic and Early Dynastic Times. *Bulletin de la Société de Géographie d'Égypte*. 1959(1). T. 32. Pp. 43–87.

Butzer K.W. Some Recent Geological Deposits in the Egyptian Nile Valley. *The Geographical Journal*. 1959(2). Vol. 125. Pp. 75–79.

Butzer K.W. *Studien zum vor- und frühgeschichtlichen Landschaftswandel der Sahara. III. Die Naturlandschaft Ägyptens während der Vorgeschichte und der Dynastischen Zeit*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959(3).

Butzer K.W. *Early Hydraulic Civilization in Egypt: A Study in Cultural Ecology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976.

Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State. *Science*. 1970. Vol. 169. Pp. 733–738.

Carneiro R.L. The Circumscription Theory: Challenge and Response. *American Behavioral Scientist*. 1988. Vol. 31. Pp. 497–511.

Clarke D.L. *Analytical Archaeology*. London: Methuen, 1968.

Egypt at Its Origins. Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt", Kraków, 28th August – 1st September 2002. S. Hendrickx, R.F. Friedman, K.M. Ciałowicz, M. Chłodnicki (eds.). Leuven: Peeters Publishers, 2004.

Egypt at Its Origins 2. Proceedings of the International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt", Toulouse (France), 5th – 8th September 2005. B. Midant-Reynes, Y. Tristant (eds.). Leuven: Peeters Publishers, 2008.

Egypt at Its Origins 3. Proceedings of the Third International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt", London, 27th July – 1st August 2008. R.F. Friedman, P.N. Fiske (eds.). Leuven: Peeters Publishers, 2011.

Egypt at Its Origins 4. Proceedings of the Fourth International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt", New York, 26th – 30th July 2011. M.D. Adams (ed.). Leuven: Peeters Publishers, 2016.

Egypt at Its Origins 5. Proceedings of the Fifth International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt", Cairo, 13th – 18th April 2014. B. Midant-Reynes, Y. Tristant (eds.). Leuven: Peeters Publishers, 2017.

Egypt at Its Origins 6. Proceedings of the Sixth International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt", Vienna (Austria), 10th – 15th September 2017. E.C. Köhler, F. Junge, N. Kuch, A.-K. Jeske (eds.). Leuven: Peeters Publishers, 2020.

Fairbridge R.W. Effects of Holocene Climatic Change on Some Tropical Geomorphic Processes. *Quaternary Research*. 1976. Vol. 6. Pp. 529–556.

Fattovich R. Remarks About the Study of Predynastic Egypt. *Rivista degli studi orientali*. 2012. Vol. 85. Pp. 257–278.

Friedman R.F. Badari Grave Group 569. *Studies in Egyptian Antiquities. A Tribute to T.G.H. James*. W.V. Davies (ed.). London: British Museum Press, 1999. Pp. 1–12.

Gardiner A.H. *Egypt of the Pharaohs*. Oxford: Oxford University Press, 1961.

Heinzeln J. de. Geological History of the Nile Valley in Nubia. *The Prehistory of Nubia. Vol. 1*. F.A. Wendorf (ed.). Dallas: Southern Methodist University Press, 1968. Pp. 19–55.

Hendrickx S. The Emergence of the Egyptian State. *The Cambridge World Prehistory. Vol. 1*. C. Renfrew, P. Bahn (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 259–278.

Johnston C.L. Conclusion: Towards a "Geoegyptology". *The Gift of the Nile? Ancient Egypt and the Environment*. T. Schneider, C.L. Johnston (eds.). Tucson, AZ: The Egyptian Expedition, 2020. Pp. 197–214.

Kemp B.J. *Ancient Egypt: Anatomy of a Civilization*. London: Routledge, 1989.

Kuper R. Untersuchungen zur Besiedlungsgeschichte der östlichen Sahara: Vorbericht über die Expedition 1980. *Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie*. 1981. Bd. 3. S. 215–275.

Kuper R. Neuere Forschungen zur Besiedlungsgeschichte der Ost-Sahara. *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 1988. Bd. 18. S. 127–142.

Kuper R., Kröpelin S. Climate-Controlled Holocene Occupation in the Sahara: Motor of Africa's Evolution. *Science*. 2006. Vol. 313. Pp. 803–807.

Midant-Reynes B. *The Prehistory of Egypt. From the First Egyptians to the First Pharaohs*. Oxford: Blackwell Publishers, 2000.

Reisner G.A. *The Archaeological Survey of Nubia. Report for 1907–1908. Vol. 1. Archaeological Report*. Cairo: National Printing Department, 1910.

Renfrew C., Bahn P. *Archaeology: Theories, Methods and Practice*. London: Thames & Hudson, 2004.

Riemer H., Kindermann K. Contacts Between the Oasis and the Nile: A Résumé of the Abu Muhariq Plateau Survey 1995–2002. *Egypt at Its Origins 2. Proceedings of the International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*, Toulouse (France), 5th – 8th September 2005. B. Midant-Reynes, Y. Tristant (eds.). Leuven: Peeters Publishers, 2008. Pp. 609–633.

Schneider T. From Object to Subject: Towards a New Narrative for the Nile and Water in Ancient Egyptian Civilization. *The Gift of the Nile? Ancient Egypt and the Environment*. T. Schneider, C.L. Johnston (eds.). Tucson, AZ: The Egyptian Expedition, 2020. Pp. 1–14.

Teeter E. *Before the Pyramids: The Origins of Egyptian Civilization*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2011.

Wengrow D. *The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2650 BC*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Wilkinson T.A.H. *Early Dynastic Egypt*. London: Routledge, 2001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРУСАКОВ Дмитрий Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Dmitry B. PROUSSAKOV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute for the Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.